ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ ОРИЕНТАЦИИ АРМЯНСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН

История возникновения, формирования и развития русской ориентации армянского освободительного движения являлась и является предметом многочисленных научных исследований. Эта ориентация нашла свое интересное выражение и в русской исторической науке. Отражение русской ориентации армянского освободительного движения в русской историографии XVII—XVIII вв. доселе не изучено, между тем оно, на наш взгляд, представляет большой интерес.

Для исследования данной проблемы нами изучены труды русских историков — А. Лызлова, В. Н. Татищева, И. Н. Болтина, М. М. Щербатова, И. И. Голикова, М. Д. Чулкова, Ф. И. Туманского, сочинения Н. И. Новикова и многих других исследователей, а также русская научная периодика XVIII века, что привело к выявлению весьма интересных материалов.

В данной статье рассматриваются следующие основные аспекты затронутой проблемы: 1. выявление фактических материалов, содержащихся в русской историографии XVIII века, свидетельствующих о русской ориентации армянского освободительного движения, о русско-армянском сотрудничестве и связях в области экономики, политики и культуры и оценка объективного значения этих материалов как источников для разработки истории русско-армянских отношений; 2. выяснение личной позиции русских историков XVIII века в этом вопросе, их отношение к русской ориентации армянского освободительного движения, выраженное как в их трудах, так и в их общественной деятельности; 3. рассмотрение значения этой литературы как фактора, в определенной степени влиявшего на ход развития русской ориентации армянского освободительного движения.

Указанные вопросы мы рассматриваем как в свете русско-армянских отношений XVIII в., так и в свете развития русской исторической науки.

Внешнеполитические и торгово-экономические интересы российского государства XVIII века, настоятельно требовавшие укрепления юго-восточных границ России и дальнейшего ее продвижения в этом районе, расширения восточной торговли, освоения вновь приобретенных терри-

торий, поддержки борьбы народов, угнетенных султанской Турцией и шахским Ираном, объективно совпадали с интересами армянского народа, борющегося против турецко-иранского гнета и видевшего в России единственную реальную силу, способную оказать помощь в этой борьбе.

Представители русской дворянской и буржуазной исторической мысли XVIII в., стоявшие на позициях защиты внешнеполитических интересов российского государства, в своих трудах отразили многие интересные моменты политики России на Востоке и, в том числе, русско-армянских отношений.

С конца XVII в. особенно усиливается интерес в русской исторической литературе к Турецкой империи, к положению угнетенных ею народов, в том числе и армян. Уже в «Скифской истории...» Андрея Лызлова мы находим весьма интересные материалы, свидетельствующие о положении армян в Турции и их борьбе против турецкого ига. В этом труде ясно прослеживается и позиция Андрея Лызлова, выражавшего сочувствие народам, стонущим под турецким владычеством, и в том числе армянскому народу, а также надежду на то, что эти народы будут освобождены от османского гнета с помощью России¹.

Интерес к Востоку в русской науке возрастает в первой четверти XVIII в. в связи с восточной политикой Петра I и дальнейшим развитием русского востоковедения. Известно, что в эпоху Петра I русско-армянские отношения также вступают в новую полосу своего развития, крепнет и утверждается русская ориентация армянского освободительного движения. В русской исторической литературе и в источниках, созданных как непосредственно в петровское, так и в послепетровское время, нашли весьма интересное отражение многие аспекты, характерные для русско-армянских отношений этого времени. В этом плане примечателен, например, труд Ф. И. Соймонова, родившийся в эпоху Петра I как «Журнал» записей Ф. И. Соймонова, сопровождавшего Петра I во время персидского похода². В труде Ф. И. Соймонова содержатся интересные данные о русско-армянских торгово-экономических связях с конца XVII в. Представляют чрезвычайную ценность упоминания Ф. И. Соймонова о русско-армянском содружестве в период персидского похода Петра I, особенно его упоминания об участии армянских военных отрядов в военных действиях на стороне русских войск, свидетельствующие о

¹ «Скифская история... из разных иностранных историков, паче же из Российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными трудами сложена и написана лета 1692, а ныне во свет издана, Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском московском университете». Издание 2-е, М., 1787, ч. I, стр. 58; ч. II, стр. 107, 111, 151; ч. III, стр. 76, 80—81, 196 и др.

² Ф. И. С о й м о н о в, Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири и ордена святого Александра Кавалера, выбранное из журнала его превосходительства, в бытность его службы морским офицером (опубликовано позднее в журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», январь—ноябрь 1763 г.).

русской ориентации армян. Важно то, что Ф. И. Соймонов не только фиксирует факты, указывающие на русскую ориентацию армян и на поддержку российским правительством армянского освободительного движения, но и сам, как автор, занимает определенную позицию в этих вопросах. В своем труде Ф. И. Соймонов выступает как сторонник расширения русско-армянских связей, вносит конкретные предложения о русско-армянском торговом содружестве³, высоко оценивает участие представителей армянских предпринимательских кругов в развитии производства шелка в России и поощряет эту деятельность⁴.

Подобные же материалы мы встречаем в литературе, созданной в послепетровское время, в трудах И. Г. Гербера, И.-Я. Лерхе и других исследователей. Полковник русской армии Иоанн Густав Гербер, автор интересного труда «Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях, и о их состоянии в 1728 году»⁵ проявляет большой интерес к истории и культуре армянского народа, а также сообщает ряд ценных сведений о современной ему жизни армян описанных районов, об их тяжелом положении и, в частности, о стремлении армян поселиться в пограничных с Россией районах⁶.

Много интересных данных, свидетельствующих о русской ориентации армян, содержится в труде Иоганна-Якоба Лерхе — «Путешествие Иоанна Лерха, продолжавшееся от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря»⁷. Здесь можно найти сведения об армянских военных отрядах, находившихся под командованием генерала Левашова⁸, сведения о деятельности первого армянина-генерала русской армии Лазаря Христофорова⁹ и много других материалов. В другом своем труде «Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 до 1747 года»¹⁰, описывая жизнь армянского поселения в Астрахани, И.-Я. Лерхе зафиксировал интересные моменты, свидетельствующие о все усиливающейся русской ориентации армян, в частности, быстрый рост армянского населения города. «Армяне и грузинцы, — пишет И.-Я. Лерхе, — по причине восставших в Персии беспокойств, здесь размножились и число их возросло выше двух тысяч человек. В бытность мою выстроили они более 200 домов»¹¹. Подробно описывает И.-Я. Лерхе тяжелое положение армянского населения в Персии, пре-

³ Там же, номер за октябрь 1763 г., стр. 329—330.

⁴ Там же, номер за ноябрь 1763 г., стр. 390—391.

⁵ Опубликовано в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих» за июль—октябрь 1760 г.

⁶ Там же, номер за октябрь 1760 г., стр. 303—305.

⁷ Опубликовано в журнале «Новые ежемесячные сочинения» за январь—март 1790 г.

⁸ Там же, номер за январь 1790 г., стр. 11.

⁹ Там же, номер за март 1790 г., стр. 79.

¹⁰ Там же, номера за июнь—декабрь 1790 г.

¹¹ Там же, номер за июнь 1790 г., стр. 82—83.

следования и вымогательства со стороны персидских властей в отношении сотрудничающих друг с другом русских и армянских купцов. «Таковых мучительств, — пишет И.-Я. Лерхе, — российские купцы и астраханские армяне, под российским владением находящиеся, доселе не претерпевали»¹². И.-Я. Лерхе отмечает «цветущее состояние» заведенных армянами в Астрахани шелковых фабрик; говоря об офицерах-армянах находившихся на русской службе, указывает на «добрые услуги», оказанные ими русской армии¹³.

В общем комплексе изучаемого нами вопроса особое место принадлежит научно-политическому наследию В. Н. Татищева. Выдающийся русский историк В. Н. Татищев был вместе с тем и одним из дальновидных политических деятелей России. Защищая интересы русского дворянского государства, он хорошо чувствовал пульс своего времени, творчески подходил к решению научных и политических вопросов, не отдавал дань многим устаревшим традициям. Являясь одним из представителей русских просветителей XVIII в., В. Н. Татищев по-новому подходил ко многим вопросам истории России и к вопросам истории и культуры нерусских народов, входивших в состав Российской империи или находившихся в тесных отношениях с российским государством, проявлял большой интерес к ним.

Являясь губернатором Астраханского края, тесно общаясь с представителями разных слоев армянского населения Астрахани, хорошо осведомленный в вопросах политики России на Востоке, В. Н. Татищев прекрасно понимал значение русской ориентации армянского освободительного движения, отразил эту ориентацию в своих научных трудах и активно помогал ее укреплению в своей практической деятельности. В «Истории Российской»¹⁴ и в других трудах В. Н. Татищева имеется много интересных материалов, которые явились отражением активизации русско-армянских отношений. В статьях, относящихся к Армении, в «Лексиконе» В. Н. Татищева¹⁵ подчеркивается тяжелая судьба армянского народа, его насильственное изгнание и расселение по разным странам, независимость Армении в прошлом. В. Н. Татищев подчеркивает, что «собственно в персидской власти Великая, а в Турецкой Малая Армения, особые государства были»¹⁶. Выражением русско-армянских связей было подчеркивание В. Н. Татищевым наличия большого числа армян в России и того, что здесь им обеспечена свобода торговой и прочей деятельности, свобода отправления своей религиозной службы и т. д.

¹² Там же, номер за ноябрь 1790 г., стр. 34.

¹³ Там же, номер за август 1790 г., стр. 49.

¹⁴ «История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым», кн. 1, ч. 1 М., 1768; кн. 1, ч. 2, М., 1769; кн. 2, М., 1773; кн. 3, М., 1774; кн. 4, СПб., 1784; кн. 5, М., 1848.

¹⁵ «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым», ч. I—III, СПб., 1793.

¹⁶ Там же, ч. I, стр. 61.

Подчеркивание В. Н. Татищевым значения армянских источников для русской исторической науки, его интерес к армянскому языку и даже к его диалектам, попытки составления им словарей со включением в них и армянских слов, с одной стороны, были результатом усиления русско-армянских отношений, а с другой — способствовали дальнейшему укреплению этих отношений.

На посту астраханского губернатора, в 1741—1745 гг., В. Н. Татищев активно участвовал в решении многих вопросов, связанных с русско-армянскими отношениями. Известно, что в целях поощрения промышленности и торговли правительство России создавало на вновь приобретенных территориях благоприятные условия для иноземных и особенно восточных купцов и промышленников и осуществляло покровительственную политику в отношении армян-поселенцев в России и в Астрахани особенно. В Астрахани решались многие экономические, культурные, политические, церковные, военные вопросы русско-армянских отношений. Армянская колония в Астрахани являлась одним из крупных центров работы по укреплению русской ориентации армянского освободительного движения. Проводя энергичную политику экономического укрепления Астраханского края, В. Н. Татищев всемерно поощрял деятельность армянских поселенцев в Астрахани и, как сам писал, «знатных капиталистов в подданство российское призвал и фабрик знатно чрез них умножил»¹⁷. Он последовательно проводил политику поощрения переселения представителей армянских торгово-промышленных кругов в Россию, всячески способствовал этому переселению, оказывал большую поддержку их деятельности в Астрахани¹⁸. В. Н. Татищев активно участвовал в решении административных вопросов, в частности, вопросов, связанных с правовым положением армянского населения в Астрахани. В конфликтах, возникавших между армянскими купцами и астраханским городским магистратом, иногда руководствовавшимся интересами местного русского купечества, В. Н. Татищев, исходя из общегосударственных интересов, поддерживал иноземных и, в частности, армянских купцов в целях их закрепления в Астрахани¹⁹.

Известно, что в исследуемый период имело место сильное англо-армянское соперничество на почве торговли в Индии и на Ближнем Востоке²⁰. Эта конкуренция в определенной степени затрагивала и русско-армянские отношения. Представителей английских предпринимательских кругов не устраивали не только сильные позиции армянских

¹⁷ «Новые известия о В. Н. Татищеве адъюнкта П. Пекарского». Приложение к 4-му тому записок Императорской академии наук, СПб., 1864, стр. 45.

¹⁸ Интересные документы, свидетельствующие об этом, имеются, например, в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР (ЛЮААН), ф. 95, оп. 5, ед. хр. 20, 43 и др.

¹⁹ А. И. Юхт, Правовое положение астраханских армян в первой половине XVIII века (*ՀՄՄԸ ԿԱ «Տեղեկագիրք», № 12, 1960*), Յ. Պողոսյան, Աստրախանի հայերը դաշտահայերը (*Երևանի Մատենադարան», № 6, 1962*):

²⁰ А. Р. Иоаннисян, Иосиф Эмин, Ереван, 1945, стр. 53—54.

купцов на Востоке, но и сотрудничество русских и армянских предпринимателей, являющееся фактором не только экономическим, но и политическим, свидетельствующим о русской ориентации армянской торговой буржуазии. Английские торговые круги всячески старались помешать этому сотрудничеству, лишить армянских купцов привилегий, полученных в России. Такую цель преследовали, в частности, видный английский торговый деятель Ганвей, известный английский авантюрист Эльтон, находившийся на службе у Надир шаха, и другие. Многие нити этой борьбы сходились в Астрахани, и В. Н. Татищеву приходилось участвовать в решении этих вопросов. Решая вопросы, связанные с англо-армянскими торговыми конфликтами на Востоке, В. Н. Татищев, как правило, поддерживал армянское купечество, хорошо понимая суть этого конфликта. Он занял резко отрицательную позицию по отношению к Эльтону и Ганвею и получил в этом вопросе поддержку правительства. В ответ на его запрос, посланный по этим вопросам в Петербург, он получил ответ, в котором говорилось: «Сей Ганвей такой же интриган, как и Эльтон, оба служат одной и той же английской компании, и потому в их поступках чаятельно — разницы быть не может»²¹.

В соответствии с выработанными в русско-армянских переговорах XVIII в. планами освобождения Армении армянские политические деятели предприняли работу по созданию на территории России армянского войска, которое должно было принять участие в осуществлении этих планов. Такая же работа проводилась и по созданию грузинского войска. Работа эта в основном проводилась в Астрахани и продолжалась при губернаторстве В. Н. Татищева. Сохранились рапорты В. Н. Татищева, свидетельствующие о его участии в этой работе, о его тесных связях со многими офицерами-армянами, находившимися в армянском войске и на русской службе, и, в частности, с генералом русской армии Лазарем Христофоровым²². Любопытную деталь, относящуюся к этому вопросу, сообщает биограф В. Н. Татищева Нил Попов. Он пишет, что русский консул Бакунин конфисковал у армян и грузин найденную у них военную литературу — книги по артиллерии и по строительству крепостных сооружений. По этому поводу В. Н. Татищев дал следующее указание: «писать к господину консулу, что таковые книги никакого подозрительства и вреда нанести не могут»²³. Резолюция В. Н. Татищева, приведенная Н. Поповым, помогает восполнить историю создания армянского и грузинского войска новой интересной деталью. Естественно, что приобретение подобных книг армянами и грузинами может быть объяснено только в связи с организацией армянского и грузинского войска. Позиция В. Н. Татищева также ясна в этом свете.

²¹ Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 390.

²² «Армянское войско в XVIII в. из истории армяно-русского содружества (исследования и документы)». Подготовил к изданию А. Н. Хачатрян, Ереван, 1968, стр. 206 и др.

²³ Н. Попов, указ. соч., стр. 414—415.

Весьма интересно участие В. Н. Татищева в армяно-русских церковных отношениях, его связи с представителями армянской церкви, многие из которых играли большую роль в укреплении русской ориентации армянского освободительного движения. Из «Лексикона» В. Н. Татищева и других его произведений видно, что он был очень хорошо осведомлен об истории и положении армянской церкви. Для правильной оценки позиции В. Н. Татищева в этом вопросе следует учесть, что отношение русской православной церкви к армяно-григорианской церкви в свое время не было однозначным. Наряду со стремлением к единению этих церквей, была налицо и другая — негативная — тенденция, возникшая в основном под влиянием греческой церкви, считавшей армянскую церковь еретической. Негативное отношение к армянской церкви начало затухать уже в XVII в. В. Н. Татищев окончательно порывает с этой тенденцией. Этот поворот в оценке армянской церкви, совершенный В. Н. Татищевым, был далеко не случаен. Он был результатом нового взгляда на религию в русской общественной мысли, в русской исторической науке, связанного с идеей веротерпимости, типичной для мировоззрения В. Н. Татищева в целом. С другой стороны, пересмотр этого взгляда, с политической точки зрения, был связан с дальнейшим укреплением русско-армянских отношений, оформлением и утверждением русской ориентации армянского освободительного движения.

Говоря о попытках, предпринятых в свое время с целью присоединения армянской церкви к греческой, В. Н. Татищев в «Лексиконе» пишет: «И хотя о соединении их много греки прилежали, но за недостатком ученых оставили»²⁴. Конечно, сегодня подобное идеалистическое толкование этого вопроса звучит неубедительно, но суть в данном случае не в том, чем мотивирует В. Н. Татищев неудачу греческой церкви в ее борьбе против армянской, а в том, что сам факт признания слабости греческой церкви в борьбе с армяно-григорианской церковью был для того времени невиданно смелым разрывом с традиционными взглядами на этот вопрос, поворотом, на который был способен В. Н. Татищев, утверждавший, что «умному до веры другого ничто касается и ему равно лютер ли, калвин ли, или язычник с ним в одном городе живет, или с ним торгуется, ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав, и потому с ним обхождение имеет»²⁵. Вместе с тем, В. Н. Татищев, руководствовавшийся в своей политической деятельности практическими интересами русского дворянского государства и хорошо понимавший происки западных стран и католической церкви, направленные на ослабление русской ориентации армян, как в своих трудах, так и практически, разоблачал деятельность католических миссионеров среди армян. В том же «Лексиконе», исходя из того, что «папешская власть

²⁴ «Лексикон...», ч. I, стр. 62.

²⁵ «В. Н. Татищева разговор о пользе наук и училищ. С предисловием и указателями Нила Попова», М., 1887, стр. 71.

езде государям и государствам вредительна», он специально подчеркивает, что «римские проповедники, множество их к приятию римского вероисповедания склоняли... В Персии же, хотя папистов не много, но чрез деньги и коварства много беспокойства армянам прищипяют»²⁶. Интересные сведения о борьбе В. Н. Татищева с пропсами католических миссионеров среди армян содержатся, например, в упомянутом труде И.-Я. Лерхе — «Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерхе в Персию от 1745 до 1747 года»²⁷.

В. Н. Татищев проводил многогранную работу в области русско-армянских отношений, участвовал в решении самых разнообразных политических вопросов, связанных с этими отношениями. В сложной обстановке хитрой политики Надир шаха, заигрывавшего с представителями армянских кругов в Персии, В. Н. Татищеву часто приходилось срочно принимать решения, не успев даже снести с Петербургом. Он поддерживал тесную связь с представителями Армении и Грузии, получал отсюда сведения о положении дел. Много интересных аспектов связей В. Н. Татищева с армянскими деятелями раскрывают некоторые выявленные нами архивные документы. Например, из донесения В. Н. Татищева в коллегию иностранных дел от 25-го августа 1743 г. видно, что он был связан с проживающим в Астрахани армянским юзбаша Баги Васильевым и с некоторыми армянами, проживающими в Шемахе²⁸.

В. Н. Татищев оказывал поддержку видным армянским деятелям — сторонникам русской ориентации. Весьма интересно его участие в судьбе известного армянского общественного деятеля, сторонника русской ориентации Егия Мушега (Карнеци). В обнаруженном нами донесении В. Н. Татищева коллегии иностранных дел от 2-го сентября 1743 года упоминается о деле Егия Мушега, и В. Н. Татищев ходатайствует об удовлетворении его просьб, адресованных русскому правительству²⁹. Необходимо отметить, что благожелательная позиция В. Н. Татищева как губернатора в отношении поселенцев-армян, его большое участие в русско-армянских отношениях были известны астраханским армянам, а через них, естественно, и более широким армянским кругам.

Во второй половине XVIII в. происходит дальнейшая интенсификация русско-армянских отношений, дальнейшее укрепление русской ориентации армянского освободительного движения. Вместе с тем, в связи с дальнейшим развитием русской исторической науки в русской исторической литературе все более усиливается интерес к истории других народов. В трудах по истории, в научной периодике все более и более увеличиваются и материалы, относящиеся к Армении, находит

²⁶ «Лексикон...», ч. I, стр. 62.

²⁷ «Новые ежемесячные сочинения», номер за июнь 1790 г.

²⁸ ЛОААН, ф. 95, оп. 5, ед. хр. 52, лл. 247—248 (копия).

²⁹ Там же, ед. хр. 43, лл. 248—249 (копия).

более широкое отражение русская ориентация армянского освободительного движения.

В «Истории Российской от древнейших времен» М. М. Щербатов, один из виднейших русских дворянских историков, особо подчеркивает роль армянской торговой буржуазии в развитии русской восточной торговли³⁰, упоминает о завоевании Армении Тамерланом и касается вопросов, связанных с борьбой Армении против «силы оттоманской, готовой все поглотить».

В изучаемой нами проблеме принадлежит большое место и наследию Н. М. Карамзина. Введение им в «Истории Государства Российского» в обращение интереснейших русских летописных материалов, не известных до того времени русской и армянской общественности, свидетельствующих о древних русско-армянских связях со времен Киевской Руси, обращение Н. М. Карамзина к армянскому языку, введение им в оборот в русской науке наследия армянского историка V в. Мовсеса Хоренаци, установление факта первого упоминания о славянах именно этим армянским историком и другие аспекты научной работы Н. М. Карамзина сыграли определенную роль в культурном сближении русского и армянского народов. Интерес Н. М. Карамзина к истории и положению армянского народа проявился не только в его научном наследии, но и в некоторых его публицистических произведениях задолго до написания «Истории Государства Российского». В «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин рассказывает о своем пребывании в Париже, подробно описывает находившийся в церкви Целестинов монумент последнего армянского царя Левона VI и приводит о нем данные из французской хроники. Н. М. Карамзин пишет: «Там много картин и памятников: между прочим монумент Леона, царя Армянского, который, будучи выгнан из земли своей турками, умер в Париже в 1393 году». Фруасар, современный историк, говорит о нем следующее: «Лишенный трона, сохранил он царские добродетели и еще добавил к ним новую: великодушное терпение: с благодетелем своим Карлом VI обходился как с другом, не забывая собственного царского сана, а смерть Леонова была достойна жизни его»³¹. Интерес Н. М. Карамзина к последнему армянскому царю Левону VI, на наш взгляд, также не случаен. Он, по всей видимости, связан с общим интересом к прошлому Армении, в связи с имевшимися в те годы проектами воссоздания армянского государства.

В издаваемом Н. М. Карамзиным в 1802—1803 гг. журнале «Вестник Европы» также имеются данные и сведения, относящиеся к армянскому народу. Заслуживает внимания опубликованный Н. М. Карамзиным отрывок «Из нового Оливьерова путешествия». Отрывок озаглавлен: «О провинциальном начальстве в Оттоманской империи». В этом отрывке из путешествия Оливье критически описываются нра-

³⁰ М. М. Щербатов, Сочинения, т. 4, СПб., 1902, стр. 294 и др.

³¹ Н. М. Карамзин, Письма русского путешественника, М., ч. V, стр. 282—283.

вы и порядки в Османской империи, рассказывается о произволе и беззаконии пашей и говорится о том, что от этого «всех более страдают» национальные меньшинства — армяне, греки и другие, что они, пытаясь спастись от преследований, «подают жалобы в Диван, требуя, чтобы пашу сменили или наказали, но редко успевают они в своем искании, и по большей части бывают жертвою раздраженного деспота»³².

Учитывая большую популярность «Истории Государства Российского» и других произведений Н. М. Карамзина, можно отметить, что он способствовал ознакомлению русской общественности, широких читательских кругов с материалами по армянской истории и по русско-армянским отношениям, что имело большое значение именно в этот период, в канун присоединения Восточной Армении к России.

Весьма интересное отражение нашла русская ориентация армянского освободительного движения в русской буржуазной историографии XVIII века, в трудах М. Д. Чулкова, И. И. Голикова, Ф. Туманского, П. И. Рычкова и других историков. Труды русских буржуазных историков, интерес которых был направлен, главным образом, на историю торговли и промышленности, отразили, прежде всего, экономический аспект этой ориентации, русскую ориентацию представителей армянской торговой буржуазии.

В этом отношении наиболее интересным является капитальный труд М. Д. Чулкова «Историческое описание Российской коммерции...»³³. В труде М. Д. Чулкова нашли отражение покровительственная политика русского правительства по отношению к армянской торговой буржуазии, начиная с конца XVII в. и до 60-х годов XVIII в. Хотя М. Д. Чулков описывает экономические связи, однако в его труде много интересных материалов, из которых видна и политическая деятельность представителей армянской торговой буржуазии по укреплению русской ориентации армян, по переселению армян в Россию, по развитию русско-армянского торгового сотрудничества на Востоке и т. д.

Приводя интересные материалы и документы из разных источников, в том числе из упомянутого «Журнала» Ф. И. Соймонова, из докладных генерала Левашова, относящихся к сотрудничеству представителей русских и армянских торгово-предпринимательских кругов, М. Д. Чулков солидаризируется с ними, выступая за указанное сотрудничество³⁴. В ряде мест своего труда М. Д. Чулков описывает тяжелое положение армян под чужеземным игом, приводит сведения из исто-

³² «Вестник Европы», 1802, № 7, стр. 265.

³³ «Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни императрицы Екатерины Великой, сочиненное Михаилом Чулковым». т. 1—7. СПб.—М., 1781—1788.

³⁴ Там же, т. 2, кн. 2, стр. 83—84, 150—151 и др.

рии армянской культуры и церкви, неоднократно подчеркивает независимость армянского государства в прошлом и его раздел между Турцией и Персией³⁵, отмечает стремление армян поселяться ближе к российской границе³⁶. Последовательно изложив политику и позицию русского правительства по отношению к русско-армянским торгово-экономическим связям, М. Д. Чулков сделал эту, в целом, покровительственную политику достоянием читателей, и в том числе армянских, что объективно способствовало укреплению русской ориентации армянской буржуазии. С другой стороны, если учесть, что книга М. Д. Чулкова имела широкое хождение среди русской буржуазии, то она должна была способствовать также выработке позитивной позиции русской торговой буржуазии в деле ее сотрудничества с армянской.

В историко-географических трудах, появившихся в России во второй половине XVIII в., также имеются интересные материалы, связанные с русской ориентацией армянского освободительного движения. В этом смысле представляют интерес труды первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук Петра Ивановича Рычкова, в частности, его «Топография Оренбургская...»³⁷. В этом труде можно встретить интересные данные, свидетельствующие об участии представителей армянских торговых кругов в торговой и промышленной жизни г. Оренбурга и о привилегиях, полученных ими.

Интересна позиция и самого П. И. Рычкова. Он выступает за активное вовлечение представителей армянских торгово-промышленных кругов в дело налаживания экономики во вновь приобретенных Российской территорией. Он пишет: «К дальнейшему ж распространению оно-го (торга. — Р. Х.) и к заведению разных в пользу государственную и партикулярную в оных местах могущих быть фабрик, заводов, ничто столь нужно, как сие, дабы город Оренбург умножен был капитальными и внешнюю коммерцию знающими купцами. К чему по состоянию здешнему и смежных к Оренбургскому ведомству азиатских провинций, живущие в Астрахани и выходящие из Персии торговые армяне по их искусству в азиатском купечестве и в тамошних языках, для многих резонов весьма способны»³⁸.

В трудах русских буржуазных историков XVIII в., посвященных эпохе Петра I, также нашла широкое отражение русская ориентация армянского освободительного движения. Из этих трудов для нас особенно интересен капитальный труд И. И. Голикова — «Деяния Петра Великого...»³⁹. В этом труде, посвященном всесторонней деятельности

³⁵ Там же, т. 1, кн. 1, стр. 57.

³⁶ Там же, т. 2, кн. 2, стр. 535—536.

³⁷ «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым», ч. 1—2, СПб., 1762.

³⁸ Там же, ч. 2, стр. 30—31.

³⁹ И. И. Голиков, Деяния Петра Великого мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, М., ч. I—IV, 1788; ч.

Петра I, отражены и русско-армянские отношения петровского периода, которые ознаменовали новый этап в истории русской ориентации армянского освободительного движения. В книге И. И. Голикова имеется много материалов о русско-армянских связях и о деятельности Петра I по укреплению русско-армянских отношений. Особое место занимают в книге русско-армянские связи и тесное сотрудничество в период персидского похода Петра I, упоминания о его переписке с армянскими политическими деятелями, данные об армянских военных отрядах, сражавшихся на стороне русских войск. Много места уделено в книге И. И. Голикова деятельности Петра I по переселению армян в Россию, в частности, в новые пограничные районы, и по созданию условий для их жизни и хозяйственной деятельности.

Излагая политику Петра I в области русско-армянских отношений, И. И. Голиков не только фиксирует факты, свидетельствующие об усилении русской ориентации армян в это время и о дальнейшем укреплении русско-армянского сотрудничества, но и по ряду вопросов выражает собственную, авторскую позицию. Например, говоря о том, что смерть помешала Петру I осуществить свои намерения по заселению армянами вновь приобретенных Российской империей земель, И. И. Голиков с сожалением пишет: «До какого бы цветущего состояния не мог привести тамошнего, от природы богатого уже краю, толико попечительнейший монарх, ежели б угодно было господу продолжить жизнь его»⁴⁰.

Заслуживающие внимания материалы о русской ориентации армянского освободительного движения в эпоху Петра I содержатся также в трудах Ф. И. Туманского, из которых можно почерпнуть интересные сведения о русско-армянском содружестве в 20-е годы XVIII в.⁴¹

Во второй половине XVIII века в России, в результате научных экспедиций, организованных Академией наук, а также исследований, проводимых отдельными учеными, родилась большая литература, посвященная историко-географическому и этнографическому описанию многих областей Российской империи, в том числе новоприобретенных Россией территорий и народов, населявших их. В этой литературе, в которой описываются и армянские поселения в России, также нашли интересное отражение многие аспекты русской ориентации армян, а также взгляды представителей русской общественной мысли на русско-армянские отношения. Приведем лишь некоторые примеры из большого количества изученных нами подобных трудов. Весьма интересные материалы об армянской колонии в Нахичевани на Дону содержатся, например, в трудах академика П. С. Палласа. С большой симпатией к пе-

VII—XII, 1789; его же, Дополнение к деяниям Петра Великого, М., т. 1—4, 1790; т. 5—7, 1791; т. 8—10, 1792; т. 11—14, 1794; т. 15—16, 1795; т. 17, 1796; т. 18, 1797.

⁴⁰ И. И. Голиков, Дополнение к деяниям Петра Великого, т. 14, стр. 386.

⁴¹ «Российский магазин трудами Феодора Туманского», за сентябрь 1793 г., стр. 5, 29 и др.

расселенному сюда из Крыма армянскому населению описывает он жизнь и труд армян, отмечая, вместе с тем, страдания армян под турецким игом.

Весьма интересны и взгляды П. Сумарокова, автора двух книг о Крыме⁴². Помимо того, что П. Сумароков сообщает ценные и весьма интересные фактические данные об армянах Крыма, он отмечает их тягу к России. Касаясь переселения армян и греков из Крыма в Россию, в период татарского владычества над Крымом, он пишет, что армяне и греки «вышли из него к своим единоверным великими тысячами»⁴³. Вместе с тем, П. Сумароков отмечает тяжелые для Крыма экономические последствия, вызванные уходом оттуда греков и армян, дает высокую оценку экономического развития армянских поселений, указывает на тяжелое положение армян при турецком господстве, отмечает, насколько условия жизни армян в России выгодно отличаются от условий их жизни в Турции.

Позитивное отношение к экономической деятельности поселенцев-армян отмечается даже в коротких статьях, помещенных в энциклопедиях и словарях. В словаре Л. Максимовича, например, читаем: «Нахичевань. городок Екатеринославского наместничества, на правом берегу реки Дона, от крепости С. Дмитрия в 5 верстах. Населен вышедшими из Таврического полуострова в 1780 году армянами, кои в столь краткое время завели там множество шелковых, бумажных и других фабрик, и толико в сих мастерствах предупели, что сработанные ими вещи добротой своею ни мало лучшим чужестранным не уступают»⁴⁴.

Политика поощрения поселения армян в России нашла свое отражение даже в русской поэзии XVIII в.⁴⁵

При тщательном изучении русской литературы XVIII в. можно встретить в ней весьма интересные и разнообразные проявления русско-армянских связей, на первый взгляд носящих случайный характер, но в конечном счете объясняемых общей атмосферой русско-армянских отношений того времени. Интересна книга русского унтер-офицера Ф. С. Ефремова о его странствованиях в ряде стран⁴⁶. Автор, волею судеб, попал в Индию и оказался в довольно затруднительном положении. Рассказывая об этом, он пишет: «По приходе с нищими в Индию

⁴² Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым, М., 1800; его же, Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова, СПб., т. I, 1803; ч. II, 1805.

⁴³ «Путешествие по всему Крыму...», стр. 179.

⁴⁴ Лев Максимович, Новый и полный географический словарь Российского государства..., ч. III, М., 1788, стр. 282.

⁴⁵ К. Н. Григорьян, Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X—начало XX вв.), Ереван, 1974, стр. 81.

⁴⁶ «Российского унтер-офицера, ныне коллежского ассесора десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, и возвращение оттуда чрез Англию в Россию. Писанное им самим», СПб., 1786.

в столичный город Дели оные от меня скрылись безвестно, остался я со слугою своим арапом и куда идти не знал.

Один мимо идущий человек остановился и говорил со мною, спрашивая, какой я человек, и я отвечал, что российской. Он взял меня к себе в дом, объявив о себе, что он армянин и имя ему Симеон, и велел довольствовать меня кушаньем и дать постелю. На другой день спрашивал меня, каким образом попал я в тамошние места, я же объявил ему, какую несчастною судьбою попал в плен и туда пришел. Он обещал меня отправить в Английское владение к приятелю своему и просить его об отправлении в Россию. Через 15 дней дал мне письмо для вручения приятелю его и отправил с купцами в город Лякнаур⁴⁷. Далее Ф. С. Ефремов описывает, как с помощью индийских армян он уехал в Англию и оттуда вернулся в Россию. Конечно, указанный эпизод мог быть случайностью, но если учесть общую атмосферу, царящую среди индийских армян, именно в этот период, в 80-е годы, когда передовые деятели армянской колонии в Индии активно разрабатывали планы освобождения Армении именно с помощью России, когда Россия для индийских армян являлась страной, к которой были устремлены их взоры, подобное отношение к русскому человеку с их стороны могло бы быть чем-то большим, нежели обыкновенная случайность. И уж определенно можно сказать, что появление подобных книг не могло не способствовать духовному сближению их русских и армянских читателей.

Небезынтересно, что некоторые данные и документы, свидетельствующие о русско-армянских связях и зарождении русской ориентации армян, можно встретить и в русских археографических изданиях XVIII в. Так, например, в «Опыте трудов Вольного Российского собрания при императорском Московском университете» встречаются интересные документы, свидетельствующие о русско-армянских отношениях, о приезде армянских купцов в Москву уже в самом начале XVII в. Особенно примечательно, что подобные материалы отражены и в археографических изданиях Н. И. Новикова. Среди документов, опубликованных Н. И. Новиковым в его «Древней Российской Вивлиофике», имеются некоторые материалы, представляющие интерес с точки зрения истории русско-армянских отношений, как, например, «Посольство во Флоренцию»⁴⁸, «Посольство в Испанию и во Францию»⁴⁹, «Статейный список посольства Никифора Михайловича Толочанова в Грузию 1650 года»⁵⁰ и другие. Весьма интересно, что Н. И. Новиков упоминает о приезде в Москву известного армянского общественного деятеля XVII в. Григория Лусикова⁵¹. В XVI части «Древней Российской Вивлиофики» за 1791 г. Н. И. Новиков поместил интересную подборку дипломати-

⁴⁷ Там же, стр. 45—46.

⁴⁸ «Древняя Российская Вивлиофика», 1773, ч. I.

⁴⁹ Там же, ч. III, 1774.

⁵⁰ Там же, ч. V, 1788.

⁵¹ Там же, ч. XVI, 1791, стр. 224.

чески-протокольного характера, состоящую из обращений глав разных государств и церквей к русским князьям и царям. Здесь приводятся лишь протокольные преамбулы, без основного содержания документа, как образцы формулы обращения. В этой подборке фигурирует также «Описание патриархов армянских, которые имели ссылки с государями и великими князьями Российскими, какие от них и к ним грамоты, и какие титулы употребляли». Интересно, что под этим заголовком Н. И. Новиков пишет: «С тем же армянином (Г. Лусиковым. — Р. Х.) к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всей Великой и Малой и Белой России, самодержцу, писали два листа, армянский патриарх Петр, да армяне, которые живут в Испагани»⁵². И далее Н. И. Новиков приводит формулы обращения из письма патриарха Петра и из письма испаганских армян. На наш взгляд, следует всесторонне рассмотреть факт публикации этих документов в «Вивлиофике» Н. И. Новикова. Он, как видно, в данном случае публиковал формулы обращения глав государств и глав церквей к главе русского государства. Если в этом смысле правомерно помещение здесь обращения армянского патриарха, то нуждается в определенных комментариях публикация обращения «армян, которые живут в Испагани», т. е. джульфинских армян, под названием «Арменский лист», данным Н. И. Новиковым этому документу. Н. И. Новиков не мог не знать, что армянского самостоятельного государства не существует; и тем более не знать, что «армяне, которые живут в Испагани», не являются главой какого-либо государства; и тем не менее, он опубликовал и их обращение в подборке обращений глав государств. Это обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует об определенном желании Н. И. Новикова в какой-то форме подчеркнуть право армян обращаться к России в качестве представителей самостоятельной и независимой от другого государства международной категории, представленной хотя бы джульфинскими купцами, которые первыми подписали договоры с Россией.

Рассмотренные выше и многие другие подобные материалы, содержащиеся в русской исторической литературе XVIII в., свидетельствующие о тесных армяно-русских связях, не могли объективно не способствовать дальнейшему русско-армянскому сближению, особенно если учесть, что многие из названных трудов были популярны в России, имели для своего времени большой круг русских читателей. Что же касается армянской общественности, то можно утверждать, что и ее представители были знакомы с этой литературой, так как большие массы армян уже тогда проживали в России, в Петербурге, Москве, Астрахани, Нахичевани на Дону и во многих других местах, некоторые из них занимали высокое положение при русском дворе и в деловых кругах, служили в русской армии, хорошо знали русский язык и несомненно интересовались литературой, относящейся к русско-армянским отношениям. К этому общему рассуждению можно добавить некоторые

⁵² Там же, стр. 225.

конкретные факты об армянах-читателях трудов русских историков XVIII века. Так, например, в Матенадаране сохранилась записная книжка XVIII века, автор которой армянин, путешествовавший по России⁵³. Автор книжки проявляет явное знакомство с русской исторической литературой XVIII в. и рекомендует интересующимся русской историей читать труды В. Н. Татищева и М. М. Щербатова. Популярны были среди армянских читателей произведения Н. М. Карамзина, некоторые из которых были переведены на армянский язык еще в 1826 году Хачатуром Абовяном. В числе подписчиков на труд И. И. Голикова о Петре I мы встречаем фамилии Лазарева и Калустова⁵⁴ и, что особенно интересно, в числе подписчиков на «Вивлиофику» Н. И. Новикова упоминается фамилия армянина Кампанова⁵⁵.

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что в русской исторической литературе XVIII в. нашли отражение многие интересные факты, свидетельствующие о русской ориентации армянского освободительного движения, а также заслуживающие внимания мысли и взгляды русских исследователей по вопросам истории русско-армянских отношений.

**ՀԱՅ ԱԶՍՏԱԳՐԱԿԱՆ ՇԱՐԺՄԱՆ ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԿՈՂՄՆՈՐՈՇՄԱՆ
ԱՐՏԱՅՈՂՈՒՄԸ XVIII Դ. ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՊԱՏՄԱԳԻՏԱԿԱՆ
ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ**

ՌՈՐԵՐՏ ԽԱԶԱՏՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հայկական ազատագրական շարժման ուսական կողմնորոշման պատմության ուսումնասիրությունը նվիրված են բազմաթիվ աշխատությունների: Այդ կողմնորոշումն ուղագրավ արտացոլում է գտել նաև XVIII դ. ուսական պատմագրության մեջ, ուս պատմաբաններ Ա. Լիզլովի, Վ. Տատիշչևի, Մ. Շչերբատովի, Ի. Բոլտինի, Ն. Կարամզինի, Մ. Չուլկովի, Ի. Գոլիկովի, Ֆ. Տումանսկու, Պ. Ռիչկովի, Ն. Նովիկովի և մի շարք ուրիշների աշխատություններում, ինչպես նաև XVIII դ. ուսական պարբերական մամուլում: Այդ հեղինակների աշխատություններում տեղ գտած նյութերի պատմագրական ուսումնասիրությունն ու վերլուծությունը բացահայտում են դրանց նշանակությունը որպես հայ-ուսական հարաբերությունների պատմության համար կարևոր փաստական աղբյուրների, դրսևորում են մի շարք ուս պատմաբանների տեսակետները հայ-ուսական կապերի պատմության վերաբերյալ:

⁵³ Эта книжка подробно описана Э. А. Акопяном в его статье «Страницы из истории армяно-русских литературных связей XVIII века» («Բանբեր Մտտենադարանի», № 6, 1963),

⁵⁴ И. И. Г о л и к о в, Деяния Петра Великого..., ч. XII, М., 1789, стр. 3, 16.

⁵⁵ «Древняя Российская Вивлиофика», 1773, ч. I; Список подписчиков (Страницы не нумерованы).